

УДК 101

А.В. Матецкая

доктор философских наук, профессор

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

ОСКОРБЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

[Matetskaya A.V. Offense of religious feelings of believers: Russian context]

This paper attempts to describe the transformation of the way to protect religion. In the course of this transformation, some states have stopped offering protection to God, religion and religious symbols and instead have begun to protect people who are insulted because of their religious beliefs. This article analyzes the circumstances of such change in Russia.

Key words: religion, modernization, hurt sentiments, blasphemy, sacral, collective identity, ideology

Новым явлением общественной жизни современной России стали протесты верующих, связанные с оскорблением религиозных чувств. «Чувствительность верующих» не является исключительно российским феноменом. Современную Индию сегодня называют «республикой оскорбленных чувств», поскольку борьба индийских верующих с покушениями на их чувства приобрела весьма внушительный размах и превратилась в особый вид общественной активности, который нельзя игнорировать политикам, деятелям культуры и исследователям. Проблема оскорбления чувств верующих существует и в западных странах, хотя и не в таком масштабе. Чувствительностью отличаются и верующие, исповедующие ислам. Российские верующие, с недавнего времени борющиеся против посягательств на их чувства, присоединились к своеобразному культурному течению или идейному поветрию.

Как отмечает И. Глушкова [1], точкой отсчета в истории борьбы верующих с посягательствами на их чувства может служить дело Салмана Рушди. Таким образом, обостренная религиозная чувствительность – относительно недавний феномен. Его изучение представляет интерес для разных областей

знания, но нас здесь будет интересовать прежде всего религиоведческий аспект нового явления, хотя анализируя те или иные процессы, происходящие в религиозной сфере, нельзя игнорировать социальный и культурный контекст, в котором они разворачиваются. Касаясь общих характеристик этого контекста, сразу следует заметить, что, во-первых, «религиозная чувствительность» – феномен, свойственный постсекулярной эпохе, и, во-вторых, феномен, порожденный столкновением модернистского мировоззрения и контрмодернистских установок и устремлений.

Рассматривая феномен оскорбления чувств верующих в контексте проблемы девиаций, связанных с религией, следует отметить, что этот тип поведения радикально отличается от осквернения, богохульства и кощунства, хотя сами верующие нередко используют именно эти термины в своей риторике.

Понятие «осквернение» отсылает нас к архаичным представлениям о сакральном как о силе, которая может проявлять себя и в позитивном, и в негативном ключе. В этом контексте «осквернение» никак не связано с оскорбленными чувствами или моральными нормами, оно ближе к нарушению техники безопасности. В архаичных обществах сакральное как источник силы окружено разнообразными табу, взаимодействие с ним ритуализировано. Соприкосновение с нечистыми объектами (объектами, наделенными вредоносным сакральным) или совершение действий, нарушающих сакрализованные предписания и запреты, несет вполне реальную угрозу «осквернившемуся», а также группе, представителем которой он является. В данном случае «оскверняется» человек, совершивший определенное действие.

«Осквернение» предполагает несанкционированный, неправильный контакт с сакральным, чреватый негативными последствиями, причем опасность исходит от сакрального. Оскверненный/осквернитель нуждается не столько в наказании, сколько в очищении, восстановлении правильного состояния, утраченного в результате осквернения. Оскверненный, до того как пройдет процедуру очищения, несет угрозу своему сообществу. Группа может даже избавиться от оскверненного/осквернителя для обеспечения собственной безопасности.

С выдвиганием на первый план персонифицированных богов появляется представление о возможности неразумными и дерзкими поступками вызвать их гнев. Боги не нуждаются в защите, они сами карают нарушителя. При этом чувства верующих в этих богов не играют никакой роли.

Богохульство (богохуление) и кощунство – понятия более поздние, чем осквернение. Они возникают в ситуации сращения религии и политической власти, когда нарушение религиозных норм и посягательств на религиозные символы воспринималось как покушение на устои общества в целом, при этом и сами эти устои мыслились в религиозных терминах. И в этом случае сохраняется объективизм восприятия сакрального, с чем была связана необходимость наказания тех, кто на него покушается.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет богохульство (богохуление) так: «1. Богохуление (βλασφημία, blasphemia) – непочтение к Богу, выражаемое дерзкими словами или какими-нибудь поступками. Оно как особенно тяжкое преступление, по Закону Моисееву, подлежало для природного еврея и для чужеземца смертной казни, которая совершалась через побиение камнями (Левит. 24, 10-16, 23). 2. *Богохуление* – термин уголовного права, служащий для обозначения преступного деяния, заключающегося в посягательстве на Божество и религиозные верования. Состав и наказуемость этого преступного деяния в разные времена были весьма различны. В древнем языческом мире и еврейской теократии религия являлась учреждением государственным, политическим, ревностно охранялась законом от всяких посягательств на признанное ею божество и отвлеченные верования, почему всякий виновный в таком посягательстве отвечал за него как за преступление государственное» [4, Т. IV. с. 197-199].

О кощунстве тот же источник сообщает: «Кощунство – определяется Уложением о наказаниях (ст. 182, изд. 1885 г.) как «язвительные насмешки, доказывающие явное неуважение к правилам или обрядам церкви православной, или вообще христианства» [4, Т. XVI. с. 479]. Таким образом, объектом кощунства могут быть только церковные правила и обряды, но не сама вера, являющееся объектом богохульства, и тем более произведения искусства, использующие религиозные символы в нерелигиозном контексте.

В секулярном мире, где разрушена связь между социальным порядком и религией, богохульство и кощунство перестают быть преступлениями, несущими угрозу обществу и подрывающими его основы. Отделение религии от государства, формирование обширных социальных сфер и областей культурных значений, в которых религиозные символы и идеи не фигурируют вооб-

ще, превращают религию в частное дело индивида. В таком контексте законы о богохульстве, сохраняющиеся в законодательствах некоторых современных светских государств, представляют собой анахронизм и вступают в действие лишь в исключительных случаях.

Осквернение, богохульство и кощунство – понятия, возникшие в эпоху, когда существование сакрального считалось несомненной реальностью. Опасность этих действий и необходимость их избегания определялась не желанием защитить чувства верующих, а верой в силу сакрального, которое само по себе не нуждалось в защите, но, напротив, несло в себе угрозу.

Законы, карающие богохульство, защищали религию большинства. Религиозные взгляды меньшинств не подлежали защите. Углубляющаяся секуляризация западных обществ вела к постепенной замене государственной защиты религии, её верований и обрядов, защитой прав личности или группы исповедовать любую религию, или не исповедовать никакой. Осознание необходимости свободы вероисповедания и отделения религии от государства не в последнюю очередь было связано с желанием преодолеть религиозную нетерпимость и религиозные конфликты, усилившиеся в результате Реформации. Право исповедовать любую религию вошло в число основных прав человека. Однако в число этих прав входят также права на свободное выражение своего мнения и право на свободу мысли. На сегодняшний день свобода мысли, совести и религии закреплена во Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции о защите прав человека и других официальных документах.

Таким образом, можно выделить две модели защиты религии – традиционную и современную. Первая является практически универсальной. Вторая сложилась только в западных обществах в результате секуляризации, но получила широкое распространение за пределами западного мира, часто вступая в противоречие с местными традиционными устоями. В конечном итоге современная модель является частью западного проекта модерна и проблемы, сопровождающие её распространение, неразрывно связаны с другими проблемами «вторичной» или «догоняющей» модернизации.

Традиционная модель исходит из признания объективного существования сакрального и подразумевает ограждение этого сакрального от посягательств, поскольку такие посягательства несут непосредственную угрозу не

только индивиду, но и его группе и существующему порядку в целом, но не самому сакральному, которое неуязвимо для человека. Именно к этой модели относятся понятия осквернения, богохульства и кощунства.

Современная модель не признает онтологической природы сакрального или просто игнорирует вопрос о статусе сакрального, но защищает право индивида исповедовать любую веру, поскольку это его личное дело.

Ситуация с защитой чувств верующих не соответствует ни одной из этих моделей. Оскорбительные действия, на которые реагируют верующие, не ограничивают их права придерживаться своей религии, а значит, не имеют отношения к защите свободы вероисповедания. Протестуя, верующие ссылаются на свои чувства, задетые каким-либо действием, но не упоминают о гневе Бога, который может обрушиться на головы святотатцев. Сама вера в неотвратимость возмездия со стороны Бога делала бы бессмысленными всякие человеческие попытки «заступить» за сакральное. Не нуждается в подобной защите и социальный порядок в светских государствах, поскольку он не опирается на религиозную легитимацию. Но именно такая, основанная на религии, модель социального порядка выступает для оскорбленных верующих образцом. Однако отстаивая традиционалистский социальный идеал, они делают это как представители современного общества и современной культуры, о чем свидетельствует сама апелляция к чувствам.

Чувство оскорбленности, испытываемое верующими, замещает в современных условиях другое чувство – архаичный страх перед последствиями, которые могло вызывать осквернение или богохульство. Но замена страха перед мыслившейся вполне объективно угрозой – обидой означает, что «сакральное» уже не понимается как источник силы. Оно значимо как элемент мировоззрения «оскорбившихся», часть их представления о себе, их идентичности. Посягательство на сакральное они воспринимают как посягательство на себя. Таким образом, происходит своеобразная психологизация сакрального. Ориентируясь на традиционную модель социального порядка, оскорбленные верующие действуют, как представители современного мира, для которых точкой отсчета является собственная индивидуальность и её комфорт, в данном случае – комфорт эмоциональный, психологический.

Практика защиты верующими своих чувств может быть рассмотрена как разрушение модели приватной религии, характерной для модерна. Религи-

озные чувства выносятся на всеобщее обозрение, становятся одной из форм самопрезентации индивидов и групп. Религия перестает быть только частным делом, что соответствует логике постсекулярной эпохи.

В то же время, в каждом конкретном обществе ситуация с оскорбленными верующими имеет свою специфику. В Индии или исламских государствах, где реальность секуляризации может быть поставлена под вопрос, а практикующими верующими является подавляющее большинство населения, и в имеющей атеистическое прошлое России, где и сегодня практикующие верующие представляют собой незначительное меньшинство, большая часть которых – новообращенные, не опирающиеся на прочную религиозную традицию, борьба верующих с оскорблением их чувств не может иметь абсолютно одинаковый смысл. Сами эмоции, испытываемые оскорбленными верующими в таких разных контекстах, неизбежно будут отличаться, поскольку эмоции, как и другие аспекты человеческой экзистенции, в значительной степени обусловлены культурой. Эмоции, которые человек истолковывает в религиозном ключе, могут порождаться не только собственно религиозными проблемами, но и другими аспектами его социальной жизни. Ощущение униженности и оскорбленности само по себе может вызываться какими-то иными факторами, но истолковываться в религиозном ключе.

На протяжении веков религия не только легитимировала социальный порядок, но и служила символическому оформлению социального протеста и недовольства. Эта функция сохраняется за ней и сегодня, когда религия становится контрмодернизационной идеологией фундаменталистских движений. С другой стороны, в мире, где глобализация размывает национальные и культурные особенности, религия превращается в орудие защиты коллективной идентичности. В то же время носителями антимодерных и антиглобалистских установок являются люди, глубоко затронутые процессами модернизации и глобализации, что сказывается и на их отношении к религии. Борьба верующих с оскорблением религиозных чувств может быть рассмотрена и в контексте этих проблем. Однако, как выше уже отмечалось, смысл и специфика этой борьбы зависит от социальных условий. Если в европейских странах она чаще имеет место в ситуации защиты прав религиозных меньшинств, то в России, например, дело обстоит как раз наоборот.

В России историю борьбы с оскорблениями чувств верующих надо вести, вероятно, с разгрома выставки «Осторожно, религия!» и последующего суда над её организаторами и участниками, которые были признаны виновными в разжигании национальной и религиозной вражды. Закона, карающего оскорбление религиозных чувств верующих, в тот момент еще не существовало. Рассматривая различные случаи «оскорбления», следует отметить, что они связаны, как правило, с теми или иными арт-проектами, начиная от упомянутой выставки и заканчивая последним громким «оскорблением», нанесенным православным верующим постановкой оперы «Тангейзер». Одной из предпосылок введения уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих стало «дело Pussy Riot», группы, пытавшейся организовать «панк-молебен» в Храме Христа Спасителя в Москве.

Реакция российского общества на случаи оскорбления чувств верующих имеет некоторые особенности. Изначально группа «оскорбленных» довольно мала, имена «оскорбленных» могут быть вообще неизвестны, но после попадания события в сферу внимания СМИ реакция на оскорбление охватывает массовую аудиторию, причем не только религиозную. Социальные сети способствуют «психическому заражению» и вовлечению аудитории в эмоциональное обсуждение события, обеспечивают «включенность» в ситуацию, которой традиционные СМИ едва ли смогли бы добиться. Так формируется недолговременное аффективное сообщество, объединенное общим негодованием, оскорбление чувств верующих превращается в повод для небольшого крестового похода в защиту нравственности. При этом уже не имеет значения, действительно ли некие верующие глубоко оскорбились, столкнувшись внезапно с каким-то травмирующим событием, или же ситуация была сконструирована заинтересованными лицами, а верующие сыграли в ней соответствующие роли, что не исключает, впрочем, отождествления с исполняемой ролью.

Важно отметить, что оскорбленные верующие в России не воспринимают себя как меньшинство – напротив, они считают себя представителями большинства, и именно на этом основании требуют защитить их чувства от оскорблений со стороны разного рода отщепенцев. Общество солидаризуется с «оскорбленными», разделяя их позицию. Так, социологические опросы показали, что 35% россиян сочли наказание Pussy Riot (два года колонии) «аде-

кватным», а 43% – даже «недостаточным»¹. Что касается реальных религиозных меньшинств в России, то их права по-прежнему время от времени нарушаются, но эти случаи не привлекают внимания общественности. Борьба российских верующих против оскорбления их религиозных чувств – это борьба фактического меньшинства, которое воспринимает себя как большинство и поддерживается значительной частью общества и государством в этом убеждении. Исходя из этого, можно предположить, что ценности, отстаиваемые этим религиозным меньшинством, довольно близки ценностям и установкам нерелигиозного большинства.

Парадоксальность российской ситуации заключается в том, что говорить о «традиционном религиозном сознании» и о наличии в российском обществе заметных групп «традиционных верующих» довольно сложно. Большинство российских верующих стали таковыми относительно недавно и борьба с «оскорблениями» может быть рассмотрена как одна из стратегий утверждения новой коллективной идентичности. В то же время, российское общество переживает глубокий мировоззренческий кризис, сопровождающийся поисками новых идеологических ориентиров. Попытки утвердить собственную культурную самобытность, противостояние западному культурному влиянию вызывают в определенных кругах стремление возродить (или сконструировать) собственные традиции, частью которых является и «традиционная религия». Поэтому борьба с оскорблениями чувств верующих в России имеет вполне определенный политический и идеологический подтекст. Можно говорить о политизации эмоций или использовании эмоций в политических и идеологических целях. Следует добавить также, что в российском обществе борьба с оскорблениями религиозных чувств – это преимущественно медийный феномен. Инициативная группа практически анонимна, иногда её существование вообще можно поставить под вопрос. Именно СМИ обеспечивают факту оскорбления общественный резонанс, инициируют широкое и эмоциональное обсуждение и создают новых «оскорбленных», как верующих, так и неверующих. Обсуждение того или иного оскорбления в СМИ – одна из форм присутствия религии в публичном пространстве современного российского общества, своеобразная реклама религиозного мировоззрения определенного типа.

¹Наказание участницам группы Pussy Riot треть россиян сочли адекватным – Электронный ресурс. URL: <http://www.levada.ru/02-10-2012/nakazanie-uchastnitsam-gruppy-pussy-riot-tret-rossiyan-sochla-adekvatnym>. Дата обращения - 12.07.2015

Таким образом, в российском контексте борьба с оскорблениями религиозных чувств предстает как элемент более широких культурных процессов. Эта борьба связана с поисками коллективной идентичности, попытками преодоления мировоззренческого кризиса и идеологическим противостоянием западным ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Глушкова И.* «Эмоциональный поворот»: индуизм, ислам и другие религии в «республике оскорбленных чувств // Монтаж и демонтаж секулярного мира. М., 2014.
2. *Матецкая А.В.* Массовая культура и современная религиозность // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. <http://www.hses-online.ru>.
3. *Плампер Я.* Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат. М., 2010.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : В 86 т. СПб., 1890-1907.
5. *Яблокова Н.И.* Социальный субъект в условиях глобализации // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. <http://www.hses-online.ru>
6. *Ferrari S.* Shifting Protection From Beliefs To Believers // Freedom and Faith: a symposium on pluralism, blasphemy, tolerance. March, 2015. Электронный ресурс – URL: http://india-seminar.com/2015/667/667_silvio_ferrari.htm

REFERENCES

1. *Glushkova I.* "Emotional turn": Hinduism, Islam and other religions in the "Republic of hurt feelings // Assembling and dismantling the secular world. M., 2014.
2. *Matetskaya A.V.* Popular culture and modern religious // Humanities and social sciences. 2010. № 5. <http://www.hses-online.ru>.

3. *Plumper Ya.* Emotions in Russian history // Russian Empire senses: approaches to cultural history of emotions / Ed. Ya Plumper, Shahadat Sh. M., 2010.
4. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: 86 volumes. SPb., 1890-1907.
5. *Yablokova N.I.* Social subject in the context of globalization // Humanities and social sciences. 2012.№ 3. <http://www.hses-online.ru>
6. *Ferrari S.* Shifting Protection From Beliefs To Believers // Freedom and Faith: a symposium on pluralism, blasphemy, tolerance. March, 2015. Electronic resource – URL: http://india-seminar.com/2015/667/667_silvio_ferrari.htm

15 ноября 2015 г.
